

Невроличе муги
Марии Меттиукой

Читайте повести и рассказы

Марии Чемышковой

в серии «Негромкие люди»:

.....

Бабье лето

Понять, простить

Обычная женщина,
обычный мужчина

Свои и чужие

На круги своя

Такова жизнь

Странная женщина

Незаданные вопросы

Прощальная гастроль

Цветы и птицы

Жить

Мария
Чемизукай

Мимо

Москва
2020

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Оформление серии *Петра Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Жить : [сборник] / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-194319-6

Не бывает так, чтобы жизнь складывалась ровно и гладко. Неизвестно во всем побеждать, всем нравиться, всех любить. И даже если вам говорят, что такие люди есть, не верьте. Жизнь обязательно воспользуется случаем, чтобы щелкнуть по носу, причем в тот момент, когда кажется, что все устроилось, сложилось, все идет как надо.

Герои этой книги не раз убеждались в том, что все так и есть. Жизнь их была, и не раз. В самые неожиданные моменты. Намоташь.

Но знаете, кто счастлив по-настоящему? Тот, кто знает: во что бы то ни стало надо жить. Просто жить. Что бы ни случилось.

И когда в очередной раз случаются неудача, несправедливость или неприятность, когда кажется, что все рушится, надо просто сказать себе: «Живем дальше». И жить.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-04-194319-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Житъ

В поездах Никитин никогда не спал. Разве что в молодости — беззаботной, веселой. Тогда спал, да еще как — беспробудно, как сурок. Так, что будила его проводница: «Эй, парень! Вставай! Не ровен час пропшишь остановку».

С возрастом все изменилось.

Но главное, по чему Никитин так тосковал, — давно позабытая легкость. Легкость во всем. Легкое ко всему отношение. И еще — только в молодости, далекой и безвозвратно ушедшей, было сказочное ощущение перманентного нескончаемого праздника. Праздника, который будет всегда с тобой, — тогда, в молодости, он считал себя везунчиком. А это было сказочным ощущением, надо сказать.

Все прошло. Конечно, пятьдесят два для мужика не возраст — в пятьдесят два еще круто можно повернуть и изменить свою жизнь. Так круто, что наверняка закружится голова. В пятьдесят два можно начать все сначала — прожить вторую, новую жизнь. В отместку той, первой, увы, не самой удачной.

Но обнулить ту, прошлую, жизнь почему-то получалось.

И еще страшновато было осознавать, что та, прошлая, жизнь — черновик, а вот на беловик сил почти не осталось.

Из Москвы Никитин уезжал поздно вечером, в одиннадцать. Расстояние до Н. пустяковое — всего-то четыреста верст! Но новомодные удобные и быстрые «Сапсаны» в его городок не ходили — пассажиров не набиралось и получалось невыгодно. Вот и приходилось тащиться всю ночь. В это время спокойно, почти без привычных пробок, он быстро доехал до вокзала, ставил на паркинг машину — оплату за два дня он точно переживет — и шел на перрон. Когда-то он любил поезда, с их вечным запахом уголька и мазута, с теплым купе, со стаканом крепкого чая в металлическом подстаканнике, мелодично позвякивающем в такт колес. С тихими полустанками со слепящими прожекторами, городки и поселки с короткими, в минуту, остановками и ровным, безразличным голосом диспетчера, монотонно объявляющего о прибытии поезда.

Никитин любил приезжать в свой город ранним утром, когда еще клубился, стелился над крышами не-

растворенный молочный рассвет и утренняя прохлада не отменяла пешей прогулки до отчего дома. Всего полчаса размежеванным шагом и, разумеется, с пользой для здоровья. Как у всех москвичей, его обычные перебежки были короткими — машина, офис, подъезд.

Он шел по знакомым улочкам, и каждый раз его накрывала счастливая мысль, что тогда он сделал все правильно.

Да, да, он все сделал правильно! Его поспешный побег был оправдан, и мысль эта грела и придавала ему сил. В плохую погоду пешком идти не хотелось, и он подходил к стоянке такси. Хотя какая там стоянка — громко сказано. На небольшом грязном, заплеванном пятаке крутились местные привокзальные бомбили, похожие на всех бомбил нашей необъятной родины — жуликоватые, наглые, развязные и беспардонные.

Жадным взглядом они шарили по толпе, выискивая среди вновь прибывших «жирных» клиентов — возможно, командированных или просто залетных.

Но командированных было мало — когда-то известный и крупный завод приказал долго жить. Правда, в нулевые он был выкуплен каким-то олигархом, но монщи своей не возродил — работала там всего пара цехов. Был завод — и не стало. А на небольшом, тоже почти умершем, камвольном комбинате работали одни женщины. Больше промышленности в городе не было. И как следствие не было работы. Ситуация эта была обычная, рядовая. Так жила почти вся Россия. И небольшой, тихий городок хирел день ото дня. Грустно

было смотреть на полупустые и пыльные улочки, на жалкие магазинчики со скучным дешевым ассортиментом, на плохо одетых людей, на покосившиеся заборы и давно не крашенные крыши, на хмурые, тосклиевые пятиэтажки, построенные в семидесятых и казавшиеся тогда верхом совершенства и предметом сладких, почти недоступных грез. Квартиры в «городских» домах давали только работникам и служащим завода. Были еще два дома «для белых людей» — так называли в народе дома для начальства: заводских инженеров, начальников цехов, комсоргов и парторгов. К этим плачевным ловкачам присоединялись и слуги народа — деятели райкома и городского совета. Вернее, заводское начальство присоединялось к верхам и сливкам.

Два дома для «белых людей» были шестиэтажными, из простого силикатного серого кирпича, но на общем фоне пятиэтажек и частного сектора выглядели буквально дворцами. Квартиры в них были тоже не ах — Никитин потом это понял. Бывал он там часто — в одной из таких квартир жил его закадычный школьный дружок Пашка Панфилов, сын главного инженера завода.

Скромная трешка с восьмиметровой кухней казалась Никитину замком, волшебным теремом, сказочным палаццо. В Пашкиной квартире стояла полированная румынская стенка и «тройка» — два бархатных кресла с диваном, красота неземная. В зале висела большая хрустальная люстра, а на полу лежал зеленый, в завитушках, ковер.

У Никитиных ничего такого не было — квартиру им дали двухкомнатную. «И то счастье! — повторяла мать. — Ничего, разместимся! Мальчишки в одной комнате, мы в другой». А отец был недоволен — растерянно ходил по квартирке, и было видно, что душа у него не лежит: «В доме, мать, было лучше! Простор! Да и сад...»

Мать злилась: «Простор! А печка? А вода из колонки? А мусорка за три километра?»

Печка и колонка были, чистая правда. А вот мусорка стояла рядом — метров за сто. Но сад действительно был! Да какой — яблони и сливы, груша и густой, разросшийся малинник у самого забора. Были и грядки с огурцами, редиской и клубникой, на которую они втихаря совершили набеги.

Отец страдал, а мать была счастлива. Без конца включала газовую горелку и как завороженная смотрела на сине-красную шипящую розу. А потом, присаживаясь на край ванны, включала горячую воду и счастливо улыбалась.

После переезда из старого дома отец погрустнел и притих. Громко вздыхая и кряккая, бесцельно слонялся по квартире, не находил себе места, а по выходным торопился на «родину» — так он называл свой старый район и дом, где провел свое детство. Но домика уже не было — вскоре после их переезда его снесли, построив на этом месте новую городскую больницу.

Однако какие-то старые дома на окраине еще оставались. В них жили приятели отца и соседи. В садах по-прежнему стояли сбитые из досок покосившиеся

столы, и мужики в майках и трениках все так же громко стучали костяшками домино и пили жидкое светлое разливное пиво.

Мать злилась на отца, но тот еще долго бегал на «родину».

А братьям Никитиным, Ваньке и Димке, все было по барабану — в новом районе они тут же влились в дворовую компанию и так же гоняли в футбол, так же играли в расшибалочку и так же кадрились с местными девчонками. Какая же разница где?

Братья были погодками — старший, Иван, Ванька, и младший, Дмитрий, для друзей и брата — Димыч.

Междусобой жили дружно — никаких разборок и драк. Друг за дружку стояли горой — попробуй-ка тронь!

Несколько раз родители возили их в Москву. И младший, Димка, затосковал. В Москву он влюбился с первого взгляда. Ошарашенно оглядываясь, шарахаясь от проезжающих машин, задирая голову, разглядывая высоченные дома, он завидовал, завидовал спешащим по делам местным жителям, торопливым и невежливым москвичам. Вот же счастливчики! А в девятом классе твердо решил, что уедет. Он не хочет прожить свою жизнь в родном Н., в этом тухлом болоте, в этой тихой убогости, в этой скучности и вечной тоске.

Уехать, уехать. Вырваться. Мозги есть, руки-ноги на месте. Он точно знал, что прорвется, выстоит, устроится и победит.